

вас люблю

Между Беверли Хиллз и Воробьевыми горами

Москва для Натальи Андрейченко стала съемочной площадкой

В 1987 ГОДУ Наталья Андрейченко вышла замуж за Максимилиана Шелла, это обсуждали все. Седеющего красавца, принципиального холостяка, для которого союз с Андрейченко стал первым браком, в нашей стране сразу полюбили. Глядя на этого неотразимого мужчину, мы пытались понять, как живет роскошный, тогда еще запретный и неведомый мир западного кинематографа. Андрейченко завидовали — еще бы, ведь перед ней открылись и Европа, и Голливуд разом.

АНДРЕЙЧЕНКО окунулась в свою новую, заморскую судьбу. Наталья действительно снимается в Европе и Голливуде, обитает то в Лос-Анджелесе, то в Мюнхене, а то в местечке в Австрийских Альпах, где находится родовое поместье Шелла. Она воспитывает 10-летнюю дочку Настю и сына Митю (от первого брака с композитором Максимом Дунаевским; впрочем, сын уже взрослый — ему 16 лет).

Время от времени Андрейченко приезжает в Москву: навестить родителей, друзей, принять участие в каком-нибудь российском кинематографическом проекте. И сейчас она снимается в фильме Дмитрия Астрахана «Подари мне лунный свет» — мелодрама о сложных взаимоотношениях супругов с многолетним стажем. Наталья играет жену популярного телеведущего, которая проходит через измены и разочарования, чуть ли не попадает в сумасшедший дом, но все-таки понимает, что любит своего мужа.

Разговаривать с Натальей увлекательно: она открыта и эмоциональна. В русскую речь вкрадываются английские и немецкие словечки. Оно и понятно: в своей западной жизни Андрейченко общается сразу на трех языках.

— Но ведь это, наверное, очень нелегко?

— Да, мне, например, невероятно трудно выразить себя в другом языке, когда хочется сказать что-то лаконичное. В английском языке, допустим, нет слова «родной». Нельзя сказать дочке: «Ты моя родная». Сказать: «Зайчик, ласточка ты моя, носик-курносик ты мой!» — так я говорю, когда эмоции меня перехлестывают. Я не могу произнести это по-английски. В немецком есть слово «vertraute». С мужем, когда я хочу сказать «родной», я говорю «vertraute». Мы это слово искали по всем словарям. И еще очень трудно прыгать с языка на язык: «Oh, my darling, vertraute!»

С Максимилианом мы общаемся в основном по-английски. Так повелось с самого начала: еще когда мы вместе снимались в американском телефильме «Петр Великий» (на этой картине мы и познакомились — Макс играл Петра, а я — Евдокию Лопухину), при нас постоянно был русско-английский словарь.

— Вы как-то сказали, что жизнь в Германии по своему укладу вам не близка. В Америке вам больше нравится, чем в Германии?

— У меня со всеми странами хорошие отношения. И в Германии я в последнее время прекрасно живу и работаю. Вообще нельзя критически говорить о целой нации, это абсолютно недопустимо и неправильно.

Что же касается Америки, то я думаю, что мы с американцами очень похожи. Но есть и различия. Одно из них: это страна, выстроенная адвокатами. Народ мыслит только законами, выдрессирован жутко. Они — оптимисты, у них давно не было войны, они выросли на «фильмах грез». Но что интерес-

но: они выдрессированы на улыбку, но ведь эта мышца (Андрейченко лучезарно улыбается) — она тоже ответственна за разные процессы, что в голове происходит. И когда ты нажимаешь мышцу улыбки, то бывает, что из тебя действительно начинает исходить хорошее настроение. Многие говорят: «Как я ненавижу этот американский оптимизм, они все лживые, они говорят только о хорошем». Но это же гораздо лучше, чем, когда ты обращаешься к немцу с вопросом: «Как дела?» — а он тебе в ответ: «Nicht». Я не хочу видеть это унылое лицо! Пусть мне скажут «О'кей», пусть ответят выдрессированной, ненастоящей, но улыбкой! А дальше можно и делом заниматься.

У меня среди американцев есть очень хорошие друзья, и это неправда, что они неспособны на дружбу. Все зависит от человека, принадлежность к стране здесь абсолютно ни при чем.

Мы тоже бываем хороши: Максимилиан, например, бесится, когда с ним в компании сылят русские и разговаривают на своем родном языке. Он ничего не понимает, бедный! И он прав: на мой взгляд, это наша единственная дурная национальная черта. Все русские так поступают: где бы они ни находились — во Франции или в Америке, они объединяются в группировку и начинают говорить по-русски, даже сидя за общим столом! Это абсолютно недопустимо, и это относится в том числе и ко мне. Макс говорит: «Я не понимаю, как можно так себя вести. Это же такая невоспитанность!»

— Ваша дочь Настя почти все десять лет своей жизни провела вне России. На каком языке вы с ней общаетесь? Она больше там, чем здесь?

— Она действительно больше там. И это не перестает меня удивлять. Это Дмитрий до пяти лет жил в России постоянно, а потом начал путешествовать. Настя родилась уже за границей. И нам с Настей очень трудно говорить по-русски: она всегда отвечает мне на английском или на немецком. Потому что дети очень восприимчивы к таким вещам: если им легче общаться на каком-то другом языке, они будут говорить именно на нем. Она понимает все, что ей говоришь по-русски, но тем не менее ей трудно. Впрочем, с бабушкой, моей мамой, она общается только по-русски. Потому что там нет шанса сбежать в другой язык. Кстати, недавно Настя провела две недели со мною в Москве — и уехала в полном восторге.

— И где же вы с ней побывали?

— Да везде. В уголке Дурова, у Храма Христа Спасителя, на концерте «На-На». Ходили в цирк — там была устроена такая акция: на представление позвали больше сотни детей из детского дома, вручали им подарки. Ребятня была такая счастливая, это было так здорово! А потом меня привели к детям, и они сказали: «Ой, а сегодня утром вторую серию «Мэри Поппинс» показывали!» А я и знать не знала.

Когда мы собирались на это представление, Настя подробно рассказывала, куда мы идем. И стала собирать подарки ребятам, полную сумку. Не всем (всем 120 детям принести подарков ей бы не удалось), а тем, кто не смог прийти на это представление. Я была потрясена: ведь нужно было еще об этом задуматься! Она очень шепрая, дарящая, и за этим мне очень приятно наблюдать. Она не болтает, а делает. Впрочем, и Макс такой.

А вот американские дети, по-моему, не такие. Они не дают, не делятся. Поэтому я так горда и счастлива, что в Насте есть щедрость. Когда Настя была маленькая, я водила ее гулять в аме-

риканские парки. И всегда обращала внимание на то, что там дети буквально мячом не хотят поделиться! Их так учат — брать и бороться, у американских детей, как и у родителей, рано вырабатывается установка на выживание любой ценой. Насте трудно было найти с ними контакт, и она от этого очень страдала.

— А чем живет Митя? Несколько лет назад вы говорили, что его интересует профессия актера и он, возможно, будет учиться актерскому мастерству в Лондоне. Это осуществилось?

— Нет. Даже не знаю, почему. Наверное, потому, что у нас в семье такая свобода, которая уже начинает напоедать. Я не знаю, что с нею делать. У нас очень уважают мнение каждого члена семьи — это я сейчас на Макса наезжаю. Мите было предложено самое лучшее театральное заведение Лондона. Туда очень трудно попасть. Но в последний момент он принял решение, что не уедет на три года от семьи.

А мне кажется, для образования Лондон великолепен. Это настоящий театральный центр. Но Митя в результате выбрал Швейцарию. Максимилиан повез его в Лугано, в итальянскую часть Швейцарии. Там находится театральная школа, на которой мы в конце концов и остановили свой выбор. Потом мне звонит Макс и рассказывает: «Ну вот, твой сын в Монтрё». Я говорю: «Что? Какой Монтрё? Вы ездили почти что в Италию, 30 минут от Милана — какой Монтрё?!» Оказалось, в буклетах о школе в Лугано, которые мы изучали, не было сказано, что год назад дети там начали носить униформу. А это претит Митиной свободе. И вот когда они приехали в Лугано и увидели детей в униформе, то папочка отвез его в Монтрё.

— Дмитрий с Настей дружно живут?

— Да, они дружат. У них даже есть несколько совместных музыкальных проектов.

— Что же это за проекты?

— Ну это так называется — «проекты». Музыку вместе сочиняют. У Насти в Лос-Анджелесе есть своя группа «Cool Girls» — она играет в бизнес, ходит с игрушечным мобильным телефоном. В этой ее группе одна девочка — иранка, другая — армянка, третья — американка, а четвертая — француженка. Она их на полянку выгоняет перед бассейном, музыку врубает и дрессирует всех. Главная заходила. Самое ужасное, что я должна тут же выходить и смотреть их спектакль. А происходит это в самое неожиданное время.

— Но вы ее поощряете в этой деятельности?

— Я-то поощряю — а зачем критиковать? Но Макс считает, что я не права. Он считает, что если совсем плохо, то нужно говорить, что плохо, а то они подумают, что действительно что-то собой представляют. В последнее время она всех замучила своими акробатическими этюдами, заставляла смотреть, как она танцует. И Макс сказал: «Да разве это танец, ты же только одно движение делаешь — туда-сюда, туда-сюда». — «Ой, нет, я все умею!» — «Да ничего ты не умеешь. Я вот устал на тебя смотреть, пять минут еще терплю, потому что ты моя дочь, но СОРОК! Возьми учителя, тебе мать давно говорила — лойди поучись этому!» И я нашла ей потрясающего учителя.

— Какого?

— Ну как какого — чернокожего, конечно, они лучшие танцовщики в мире! Восхитительного, молодого и еще роста небольшого — они вместе танцуют, просто как Пат и Паташон, два товарища. Ленилась, но я ее заставила. И она подтянулась, начала лучше двигаться.

Наталья Андрейченко и Максимилиан Шелл

Я всегда вспоминаю, что в ее возрасте работала очень много: занималась музыкой, танцем, плаванием. И мне, конечно, так не потакали. А что касается Макса, то из него профессионального пианиста не получилось только потому, что он к инструменту подошел впервые в 14 лет. Уже руки были не те, кости по-другому сформировались. Ленни Бернштейн, с которым они вместе работали над мини-сериалом, посвященным Бетховену, как-то сказал Максу: «Так, как ты чувствуешь музыку, ее не чувствуют и музыканты. Наверное, из тебя бы получился потрясающий дирижер». То есть он и в музыке — режиссер. И хотя профессиональным музыкантом Макс не стал, но как пианист даже дает концерты. Кстати, последний был с симфоническим оркестром во время Зальцбургского фестиваля — самого крупного в Европе.

— У вас гостеприимный дом?

— Да, у нас бывает много людей, постоянно гости. Как-то произошел такой случай. Пинхас Цуккерман, знаменитый скрипач, хотел научить мою дочку играть на скрипке. Пинхас сказал, что должен лично об этом по-

заботиться. Макс, если не ошибаюсь, крестный отец его ребенка, и они очень близкие друзья. Но Настя ответила: «Я и так все умею!» И принесла эту омерзительную электронную скрипку — японскую игрушку, на которой нажимаешь на кнопку, и она вот таким — «и-и-и-и!» — жутким звуком что-то визжит. К тому же Настя еще и держала ее в другой руке. Пинхас опять предложил: «Дай я тебе покажу». Настя: «Да знаю я, как держать!» (Смеется.) На это Макс рассказал историю, при которой он вроде бы присутствовал. Пикассо в день делал по семь графических рисунков, которые сейчас стоят сумасшедшие деньги. Как-то он сидел и рисовал маленькую, очаровательную девочку, дочку хозяйки дома. Вдруг девочка посмотрела на рисунок и спросила: «Кто это?» Пикассо ответил: «Этот твой портрет». «Что? Это я?!» — закричала девочка и порвала бумагу. Мама в панике схватила за голову, ведь она рассчитывала, что этот бесценный листочек останется у них дома. Но девочка очень трудно было это объяснить. Что маленьким девочкам Пинхас Цуккерман или Пикассо?

— Кто самый близкий друг вашего дома?

— Один из самых любимых друзей — Витторио Стораро, оператор Бертолуччи, делавший с этим мастером и «Конформиста», и «Ганди», и «Последнего императора», и «Маленького Будду». Витторио, по-моему, сам не знает, сколько у него «Оскаров». Мы познакомились со Стораро на картине «Петр Великий». Я помню, как на съемках этого фильма Витторио упал в обморок. Мы работали в Суздале, но снимали в этот день в павильоне. Стораро увидел за окном такую картину: прекрасные декорации, построенные художником Александром Поповым, все в снегу, освещенные закатным солнцем, все было розовое, красота невероятная. Он подбежал к режиссеру фильма Марвину Чомски и попросил у него разрешения буквально на 10 минут выйти на улицу, снять — потому что такую красоту нельзя упустить. Чомски ему отказал. И Витторио упал в обморок. Он не мог этого вынести.

А еще он замечательно готовит спагетти. Каждый вечер, пока мы работали в Суздале, команда Витторио Стораро готовила настоящие спагетти — с

разными соусами, как положено. А по выходным у нас были прекрасные вечера. Хотя времени было очень мало, мы работали по 20 часов в сутки, но в выходные дни обязательно смотрели классику — Бунюэля, Тарковского, Бергмана, Де Сикю. Смотрели на видео, копии специально привозили из Америки. Собирались вся группа — все звезды, начиная с Омара Шарифа, — и русские тоже, хотя в то время русским запрещалось общаться с иностранцами. Эти вечера были незабываемы.

Как-то Витторио приехал к нам в Лос-Анджелес — он должен был получить очередной «Оскар» и читать лекцию в Американской киноакадемии. Как всегда, они с Максом наперегонки готовили спагетти. Перед ужином поехали слушать лекцию Витторио. Он показывал фрагменты из фильма «Маленький Будда». Мы сидели в прекрасном зале, с отличной акустикой. Это было прекрасно!

Но спагетти в тот раз у Макса получились лучше. И Витторио это признал.

Беседовала
Александра МАШУКОВА